

Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

№ 4 (2021)

Содержание:

<i>В сфере административно-правовых отношений</i>	3
<i>вопросы обеспечения надлежащих условий содержания по стражей, в том числе условия транспортировки лишенных свободы лиц</i>	3
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	3
<i>право на уважение семейной жизни при рассмотрении вопросов о необходимости назначения наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации</i>	4
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	4
<i>В сфере гражданско-правовых отношений</i>	8
<i>право на получение компенсации вреда, причиненного вследствие пыток</i> ...	8
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	8
<i>право на получение компенсации вследствие незаконного и необоснованного лишения свободы</i>	8
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	8
<i>право на уважение жилища (вопросы выселения)</i>	9
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	9
<i>право лица на беспрепятственное пользование принадлежащим ему имуществом</i>	11
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	11
<i>В сфере гражданско-процессуальных отношений</i>	15
<i>право на мотивированное судебное решение</i>	15
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	15
<i>В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений</i>	15
<i>право на жизнь; вопросы проведения эффективного расследования случаев лишения жизни</i>	15
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	15
<i>запрет пыток, иного недопустимого обращения; вопросы проведения эффективного расследования</i>	18
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	18

<i>нахождение обвиняемого (подсудимого) в металлической клетке в ходе судебного заседания</i>	23
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	23
<i>право на свободу и личную неприкосновенность</i>	24
<i>(лишение свободы согласно закону)</i>	24
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	24
<i>право на свободу и личную неприкосновенность (право на разумные сроки содержания под стражей в ожидании приговора суда)</i>	26
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	26
<i>право на свободу и личную неприкосновенность</i>	26
<i>(право на рассмотрение жалобы на решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу)</i>	26
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	26
<i>право на свободу и личную неприкосновенность (право на оперативное рассмотрение жалобы на решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу)</i>	27
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	27
<i>право на свободу и личную неприкосновенность (право на личное участие и на участие защитника при рассмотрении жалобы на решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу)</i>	27
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	27
<i>право на справедливое судебное разбирательство (невозможность заявителя оспорить представленные стороной обвинения доказательства)</i>	28
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	28
<i>вопросы назначения наказания в аспекте осуществления государством эффективного расследования случаев пыток</i>	28
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	28
<i>право на уважение жилища</i>	28
<i>(вопросы проведения незаконного обыска в жилище)</i>	28
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	28
<i>право на беспрепятственное пользование принадлежащим лицу имуществом (уголовно-правовые аспекты)</i>	29
<i>практика Европейского Суда по правам человека</i>	29

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 3–33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека¹.

В сфере административно-правовых отношений

вопросы обеспечения надлежащих условий содержания по стражей, в том числе условия транспортировки лишенных свободы лиц

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам:

– № 11318/18 *«Бельский и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 25 февраля 2021 года);

– № 42898/17 *«Панов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 20 сентября 2018 года);

– № 9867/06 *«Подкорытов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года),

которыми установлены нарушения статей 3, 13 Конвенции в связи с необеспечением заявителей надлежащими условиями содержания под стражей, в том числе во время их транспортировки, а также ввиду отсутствия эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

---

¹ В рамках настоящего *Обзора* понятие «межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека» охватывает Европейский Суд по правам человека.

право на уважение семейной жизни при рассмотрении вопросов о необходимости назначения наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 29790/14 «*Гулиев и Шеина против Российской Федерации*» (вынесено 17 апреля 2018 года и вступило в силу 17 июля 2018 года), которым установлено нарушение права заявителей на уважение семейной жизни, предусмотренного статьей 8 Конвенции, в связи с административным выдворением за пределы территории Российской Федерации.

Суд вновь подтвердил: государство, развиваясь в рамках международного права и действуя как субъект обязательств по своим международным договорам, имеет право контролировать въезд иностранцев на свою территорию и их проживание на данной территории. То, что власти страны пребывания столкнулись с фактом наличия семейной жизни как со свершившимся фактом (*fait accompli*), не ведет к тому, что власти в результате этого обязаны в соответствии со статьей 8 Конвенции позволить заявителю поселиться в данной стране. Европейский Суд ранее указывал – лица в такой ситуации, как правило, не наделяются правом ожидать, что им будет предоставлено право проживания в стране (пункт 46 постановления).

Если речь идет об иммиграции, продолжил Европейский Суд, то нельзя считать, что статья 8 Конвенции накладывает на государство общее обязательство уважать решение женатых пар на выбор места семейного проживания и санкционировать воссоединение членов семьи на своей территории. Тем не менее в случае, когда дело касается семейной жизни, а также иммиграции, рамки обязательств государства по допуску на свою территорию родственников лиц, проживающих на его территории, изменяются в соответствии с конкретными обстоятельствами соответствующих лиц и общественным интересом. Факторами, которые должны учитываться в данном контексте, являются: степень фактического разрыва семейной жизни, степень существующих связей в государстве-участнике Конвенции, наличие непреодолимых препятствий в отношении проживания семьи в родной стране указанного иностранного гражданина, и вопрос о том, имеются ли факторы иммиграционного контроля (например, история нарушений миграционного законодательства) или интересы общественного порядка, которые перевешивают в сторону принятия решения о запрете на въезд (пункт 47 постановления).

По мнению Суда, выдворение человека из страны, где проживают близкие члены его семьи, может считаться нарушением права на уважение семейной жизни, гарантированного пунктом 1 статьи 8 Конвенции.

Особое внимание, подчеркнул Суд, следует уделить тому, была ли семейная жизнь создана в то время, когда заинтересованные лица осознавали, что миграционный статус одного из них будет означать, что сохранение семейной жизни на территории страны пребывания с самого начала будет рискованным. Согласно утвердившейся прецедентной практике Европейского Суда в подобных случаях выдворение члена семьи, не являющегося гражданином соответствующего государства, будет являться нарушением статьи 8 Конвенции лишь при исключительных обстоятельствах (пункт 49 постановления).

Суд отметил – при наличии детей необходимо учитывать их наилучшие интересы, при этом национальные органы, ответственные за процесс принятия решений, обязаны оценить доказательства с точки зрения практичности, осуществимости и соразмерности выдворения любого из родителей ребенка, не являющегося гражданином соответствующего государства, в целях обеспечения эффективной защиты и надлежащего учета наилучших интересов детей (пункт 50 постановления).

Суд напомнил: понятие «семья» не сводится только к отношениям, основанным на браке, и может охватывать другие *de facto* «семейные» связи, когда стороны проживают совместно вне брака. Ребенок, рожденный при таких отношениях, *ipso jure* является частью «семьи» с момента и в силу самого факта своего рождения. Таким образом, между ребенком и его родителями существует связь, которая может рассматриваться в качестве семейной жизни. Кроме того, при принятии решения о том, могут ли отношения рассматриваться в качестве «семейной жизни», может учитываться целый ряд факторов, в том числе факт совместного проживания пары, продолжительность их взаимоотношений и наличие у них совместных детей (пункт 51 постановления).

Задача Суда при осуществлении своей контрольной функции заключается не в том, чтобы выполнять функции национальных органов власти, а в том, чтобы проверять решения, в свете всего дела, которые они приняли в пределах своей свободы усмотрения. При этом Суду необходимо убедиться, что национальные власти применили стандарты в соответствии с принципами, закрепленными в его прецедентной практике и, более того, что они основывали свои решения на приемлемой оценке фактов, относящихся к делу. В частности, Суд должен рассмотреть, являлся ли процесс принятия решения, который привел к введению мер вмешательства, справедливым и обеспечивающим надлежащее соблюдение интересов частного лица, защищенных статьей 8 Конвенции (пункт 52 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, стороны не оспаривали, что заявители стали жить вместе в 2004 году, в 2007 году родился их первый ребенок, а в 2011 году – второй, в декабре 2013 года первый заявитель был официально зарегистрирован в качестве их отца, а в июле 2014 года (после выдворения первого заявителя) родился третий ребенок заявителей. Сторонами не оспаривался тот факт, что в феврале 2014 года заявители

зарегистрировали свой брак в органах государственной власти. Суд также отметил: из представленных в его распоряжение документов следовало, что, в отличие от упомянутого властями заявителя в деле «Мурадели», первый заявитель с самого начала судебного разбирательства придерживался последовательной позиции о наличии между ним, вторым заявителем и их детьми семейной жизни (пункт 53 постановления).

Суд обратил внимание: суть доводов властей заключалась в том, что у заявителя отсутствовали прочные семейные связи, поскольку он не состоял в официальном браке и был зарегистрирован в качестве отца детей уже после принятия постановления о его выдворении. Тем не менее власти, по мнению Суда, не оспорили доводы заявителей о том, что к моменту выдворения первого заявителя они прожили вместе около десяти лет и имели троих детей (пункт 54 постановления).

Суд пришел к выводу: в свете его прецедентной практики не могло быть никаких сомнений в том, что в обстоятельствах настоящего дела существовала «семейная жизнь» по смыслу статьи 8 Конвенции.

Суд также напомнил, что так как первый заявитель не обращался с заявлениями о предоставлении ему вида на жительство или гражданства Российской Федерации, несмотря на то, что он прибыл в Россию еще в 2002 или в 2003 году, он должен был знать об отсутствии у него устойчивого миграционного статуса задолго до начала семейной жизни на территории Российской Федерации. В случаях столкновения со свершившимся фактом (*fait accompli*) выдворение органами государственной власти члена семьи, не являющегося гражданином соответствующего государства, несовместимо с положениями статьи 8 Конвенции только при наличии исключительных обстоятельств. Таким образом, Суду следовало рассмотреть вопрос о том, имелись ли в деле заявителя какие-либо исключительные обстоятельства, свидетельствующие о том, что органы государственной власти не обеспечили справедливого баланса при принятии решения о выдворении первого заявителя, которое повлекло за собой введение пятилетнего запрета на повторный въезд на территорию данного государства (пункт 56 постановления).

Суд отметил следующее – национальные суды сосредоточили свое внимание на том, что заявители официально зарегистрировали брак только после того, как было принято решение о выдворении первого заявителя, а также пришли к выводу о невозможности учета ситуации с несовершеннолетними детьми заявителей, так как отцовство первого заявителя на момент принятия постановления о его выдворении зарегистрировано не было. Кроме того, обращено внимание на то, что суды не занимались проверкой таких фактов как продолжительность совместного проживания заявителей, беременность второго заявителя их третьим совместным ребенком, продолжительность запрета на повторный въезд первого заявителя после его выдворения (пункт 57 постановления).

Суд резюмировал – в настоящем деле национальные суды не только не установили справедливого баланса между различными интересами, в том числе с учетом наилучших интересов детей, но и не провели тщательного анализа по вопросу о соразмерности примененной в отношении первого заявителя меры и ее влиянии на семейную жизнь заявителей. Таким образом, они не приняли во внимание соображения и принципы, разработанные Судом, и не применили стандарты, соответствующие требованиям статьи 8 Конвенции. Судебные разбирательства, в ходе которых было вынесено и оставлено без изменений постановление о выдворении первого заявителя, не отвечали требованиям Конвенции и не затрагивали все элементы, которые внутригосударственным органам власти следовало учесть при оценке того, являлась ли данная мера «необходимой в демократическом обществе» и была ли она соразмерна преследуемой законной цели (пункты 58–59 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 48453/16 *«Саргсян против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 8 декабря 2020 года), которым также установлено нарушение права заявителя на уважение семейной жизни в связи с административным выдворением за пределы территории Российской Федерации.

Обращаясь к фактам настоящего дела, Суд отметил: власти оспаривали, что у заявителя была дочь М.П., что он работал в местной компании в 2014 году. В то же время они не подвергли сомнению, что на момент принятия решения о выдворении заявитель был женат на гражданке Российской Федерации А.П. или что их брак был подлинным (пункт 30 постановления).

Суд далее подчеркнул – внутригосударственные миграционные органы были полностью осведомлены о пребывании заявителя на территории Российской Федерации в период с 14 марта по 9 декабря 2014 года, поскольку они неоднократно регистрировали его место жительства. Кроме того, в информации властей указывалось, что в феврале 2012 года заявитель уже был зарегистрирован как проживающий в этом регионе. С учетом таких обстоятельств, по мнению Суда, утверждения заявителя о наличии законных оснований для его пребывания на территории Российской Федерации в течение рассматриваемого периода в 2014 году, вероятно, базировались на фактах, которые не были должным образом рассмотрены внутригосударственными судами (пункт 31 постановления).

Вместе с тем представленные документы ясно показывали, что на момент вынесения постановления о выдворении и рассмотрения жалоб заявителя на данное постановление, внутригосударственным судам было известно о браке заявителя с гражданкой Российской Федерации и его утверждениях о семейной жизни на территории Российской Федерации.

Однако они не смогли должным образом изучить необходимость и соразмерность его выдворения из страны с учетом его влияния на семейную жизнь заявителя. Таким образом, они не приняли во внимание соображения и принципы, разработанные Судом, и не применили стандарты, соответствующие требованиям статьи 8 Конвенции (пункт 32 постановления). Принимая во внимание вышеизложенное, Суд пришел к выводу, что судебные разбирательства, в ходе которых было вынесено и оставлено в силе постановление об административном выдворении заявителя, не отвечали требованиям Конвенции и не затрагивали все элементы, которые внутригосударственным органам власти следовало учесть при оценке того, являлась ли примененная мера «необходимой в демократическом обществе» и была ли она соразмерна преследуемой законной цели.

В сфере гражданско-правовых отношений

право на получение компенсации вреда, причиненного вследствие пыток

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 51933/08 *«Мурдаловы против Российской Федерации»* (вынесено 31 марта 2020 года, вступило в силу 31 июля 2020 года), которым установлено отсутствие нарушения требований статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с М. ввиду утраты одним из заявителей статуса «жертвы» вследствие признания властями Российской Федерации факта жестокого обращения с заявителем и присуждения ему денежной компенсации морального вреда в размере, сопоставимом с практикой Европейского Суда по правам человека (более подробная информация изложена ниже).

право на получение компенсации вследствие незаконного и необоснованного лишения свободы

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 9867/06 *«Подкорытов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года), которым было установлено нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции в связи с нарушением права заявителя на компенсацию вреда, причиненного вследствие незаконного и необоснованного лишения свободы.

право на уважение жилища (вопросы выселения)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 29775/14 и № 29967/14 *«Лушкин и другие против Российской Федерации»* (вынесено 15 декабря 2020 года, вступило в силу 15 марта 2021 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с необеспечением надлежащих процессуальных гарантий и несоблюдением права заявителей на уважение жилища при принятии судом решения об их выселении.

2 июля 2013 года суд (далее – «районный суд») решил – первый и второй заявители обязаны освободить старую квартиру в течение шести месяцев со дня вступления решения суда в законную силу. Районный суд установил, ссылаясь на решение другого суда, принятое в 2009 году, что новый многоквартирный дом был пригоден для проживания, первый и второй заявители зарегистрировали право собственности на жилое помещение и, следовательно, они были обязаны по договору освободить старую квартиру.

Одновременно районный суд отметил следующее – администрация муниципального района подтвердила, что многоквартирный дом не был введен в эксплуатацию и не был подключен к системам газификации. Однако эти обстоятельства никаким образом не повлияли на предмет данного спора. Районный суд решил, что нет необходимости рассматривать остальные доводы заявителей.

11 июля 2013 года районный суд также обязал третьего и четвертого заявителей освободить старую квартиру в течение шести месяцев со дня вступления решения суда в законную силу, ссылаясь на те же причины, что и в решении от 2 июля 2013 года в отношении первого и второго заявителей. Районный суд отклонил встречный иск третьего и четвертого заявителей.

Сторонами не оспаривалось, что вмешательство соответствовало закону и преследовало законную цель защиты прав администрации ЗАТО². У Суда отсутствовали причины полагать иначе. Поэтому главный вопрос заключался в том, было ли вмешательство соразмерным преследуемой цели и, следовательно, «необходимым в демократическом обществе».

Европейский Суд отметил: оценка необходимости вмешательства по делам, касающимся потери жилья в целях содействия общественным интересам, включает не только вопросы существа, но и вопрос процедуры: был ли процесс принятия решения направлен на защиту интересов, закрепленных статьей 8 Конвенции (пункт 44 постановления).

---

² Закрытое административно-территориальное образование.

«Поскольку потеря жилья является крайней формой вмешательства в право на уважение жилья, продолжил Суд, каждому лицу, подвергающемуся риску вмешательства такого масштаба, по общему правилу, должна быть доступна возможность оценки соразмерности меры независимым судом с учетом принципов, изложенных в статье 8 Конвенции, независимо от того было [ли]... согласно национальному законодательству право владения этого лица прекращено... В частности, в тех случаях, когда заявителями были представлены соответствующие доводы относительно соразмерности вмешательства, национальные суды должны подробно рассмотреть их и представить надлежащие аргументы» (пункт 45 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, заявители поставили вопрос о праве на уважение своего жилья в национальных судах и представили аргументы по существу дела, которые ставили под сомнение соразмерность их выселения. Суть их аргументации в национальных судах заключалась в следующем: несмотря на то, что ими было зарегистрировано право собственности на новые квартиры, эти квартиры являлись непригодными для проживания, и они не могли освободить свои старые квартиры до тех пор, пока построенный многоквартирный дом не был введен в эксплуатацию (пункт 46 постановления).

Суд отметил, что при рассмотрении дел о выселении национальные суды не сопоставили интересы администрации ЗАТО с правом заявителей на уважение их жилья. Как только национальные суды установили, что заявители были обязаны соблюдать договор об уступке права требования, заключенный с администрацией ЗАТО, и освободить старые квартиры, они придали этому аспекту дела первостепенное значение, не пытаясь соотнести его с доводами заявителей. В данных обстоятельствах Суд счел – национальные суды не установили соразмерность вмешательства в право заявителей на уважение их жилья (пункт 47 постановления).

Из этого следовало, что в рассматриваемом деле имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 44199/14 *«Дзаурова против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 17 марта 2020 года), которым также было установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с необеспечением надлежащих процессуальных гарантий и несоблюдением права заявителя на уважение жилища при принятии судом решения об ее выселении.

4 сентября 2013 года районный суд вынес постановление о выселении тридцати пяти человек, включая заявительницу.

Суд счел, что решение суда о выселении от 4 сентября 2013 года представляло собой вмешательство в право заявительницы на уважение ее жилища. Суд признал: вмешательство осуществлено «в соответствии с

законом» и преследовало законную цель защиты имущественных прав администрации города. Таким образом, главный вопрос заключался в том, было ли такое вмешательство пропорциональным преследуемой цели и, соответственно, «необходимым в демократическом обществе» (пункт 45 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что «[у]трата жилища является крайней формой вмешательства в право на неприкосновенность жилища. Любое лицо, которому угрожает риск вмешательства такой степени, в принципе должно иметь право на определение соразмерности такой меры независимым судом с учетом соответствующих принципов статьи 8 Конвенции даже в том случае, если в соответствии с национальным законодательством оно утратило право на проживание в нем» (пункт 46 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, заявительница поднимала вопрос о ее праве на неприкосновенность жилища во внутригосударственных судах и представила аргументы, ставящие под сомнение пропорциональность этого вмешательства. Суть ее аргументации во внутригосударственных судах заключалась в том, что она нуждалась в жилье как вынужденный переселенец (пункт 47 постановления).

Суд отметил: решение суда о выселении от 4 сентября 2013 года было принято в отношении тридцати пяти человек без какого-либо анализа индивидуальной ситуации заявительницы. Администрация города требовала выселения лиц, не имевших статуса вынужденного переселенца или утративших его после выдачи жилищного сертификата. Однако внутригосударственные суды не рассматривали конкретные обстоятельства заявительницы, такие как ее статус вынужденного переселенца, тот факт, что она не получила никакого жилищного сертификата и являлась единственным родителем, проживающим в этом жилье с пятью несовершеннолетними детьми (пункт 48 постановления).

Суд счел, что национальные суды не установили справедливый баланс между конкурирующими правами и не определили соразмерность вмешательства в право заявительницы на уважение ее жилища.

право лица на беспрепятственное пользование принадлежащим ему имуществом

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 66590/10 и № 3773/11 «**Аржиева и Цадаев против Российской Федерации**» (вынесено 13 ноября 2018 года, вступило в силу 13 февраля 2019 года), которым установлено нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с нарушениями прав граждан на

беспрепятственное пользование принадлежащим им имуществом в период проведения контртеррористических операций.

Заявители указали, что они обладали законным правом на получение компенсации за имущество, уничтоженное в ходе контртеррористической операции. По административным причинам их надлежащим образом поданные требования не были рассмотрены в течение длительного периода времени.

Первый вопрос, требовавший решения, по мнению Европейского Суда, заключался в том, обладали ли заявители «имуществом» в значении, предусмотренном в статье 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Европейский Суд напомнил, что заявитель вправе жаловаться на нарушение статьи 1 Протокола № 1 только в том случае, если оспариваемые решения касались его или ее «имущества» в значении указанного положения. «Имущество» может быть «существующим имуществом», или требования, надлежащим образом установленные, могут рассматриваться в качестве «активов». Если имущественное право является требованием, то оно может рассматриваться в качестве «актива» только при наличии достаточного основания для такого права в национальном законодательстве (к примеру, при наличии установившейся прецедентной практики внутригосударственных судов, подтверждающей такое право) и требование, установленное надлежащим образом, является исполнимым (пункт 42 постановления).

Суд, например, принял в качестве ««имущественных»» требований, в отношении которых «заявитель может доказать, что обладает как минимум «законным ожиданием» реализации таковых, а именно, что заявитель получит возможность эффективного пользования имущественным правом... Тем не менее законное ожидание не может существовать независимым образом; оно должно быть приложено к имущественному праву, для которого существует достаточное законное основание в национальном законодательстве» (пункт 43 постановления).

Суть жалоб заявителей относилась к ненадлежащему применению административной процедуры, установленной для компенсации материальных убытков, которые были понесены в ходе контртеррористических операций. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2003 года № 404³ такая компенсация была доступна любому лицу, которое могло доказать, что его/ее имуществу был нанесен ущерб «в ходе» контртеррористической операции. Указанная схема, по мнению Суда, не требовала установления лица, причинившего ущерб, и упрощала получение финансовой компенсации многими потерпевшими. Также она не предусматривала уголовного

---

³ Речь идет о постановлении Правительства Российской Федерации от 4 июля 2003 года № 404 «О порядке осуществления компенсационных выплат за утраченное жилье и имущество пострадавшим в результате разрешения кризиса в Чеченской Республике гражданам, постоянно проживающим на ее территории».

расследования в качестве предварительного условия для установления фактов и распределения ответственности за ущерб. Компенсация была рассчитана на основании максимальной суммы, в зависимости от типа имущества и размера семьи (пункт 45 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, оба заявителя представили веские очевидные доказательства владения и разрушения их собственности в ходе контртеррористической операции. Их требования и сопроводительные документы были приняты к рассмотрению компетентной Комиссией.

Суд заключил: заявители обладали как минимум «законным ожиданием» того, что их требования будут рассмотрены в соответствии с положениями указанного постановления Правительства Российской Федерации, и такое ожидание было надлежащим образом предусмотрено в национальном законодательстве в качестве приводящего к понятию «имущества» согласно статье 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Суд далее обратил внимание на то, что точные границы между позитивными и негативными обязательствами государства в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 сложно определить. Применимые принципы и критерии для обоснования вмешательства или отсутствия позитивного действия тем не менее являются достаточно схожими. В частности, в обоих контекстах должно быть уделено внимание справедливому устойчивому равновесию между конкурирующими интересами отдельного лица и общества в целом (пункт 49 постановления).

Суд отметил следующее – заявители по настоящему делу были не в состоянии добиться рассмотрения своих требований ввиду административных недостатков. Суд заключил, что неспособность компетентной Комиссии рассмотреть требования заявителей с 2005 года и отклонение Комиссией указанных требований без отдельного изучения данного вопроса препятствовали эффективному исследованию требований заявителей в соответствии с положениями указанного постановления Правительства Российской Федерации. Такая ситуация, по мнению Суда, привела к ограничению имущественных прав заявителей в форме «законного ожидания» (пункт 50 постановления).

Стороны не представили замечаний о том, являлось ли обозначенное вмешательство законным, и преследовало ли оно законную цель. Однако, Суд не счел необходимым рассматривать указанные вопросы, принимая во внимание анализ, который приведен ниже.

Что касается вопроса справедливого равновесия между общественными интересами и правами заявителей, то, согласно позиции Европейского Суда, принцип верховенства права, лежащий в основе Конвенции, и принцип законности, приведенный в статье 1 Протокола № 1 к Конвенции, требуют от государств не только соблюдения и применения прогнозируемым и соответствующим способом законов, которые они ввели в действие, но также, как следствие указанного обязательства, обеспечения законных и практических условий их введения в действие (пункт 52 постановления).

Обращаясь к требованиям заявителей, Суд отметил, что роспуск технической группы в августе 2005 года привел к фактической невозможности рассмотрения требований заявителей в отношении компенсации. Суд уже заключил: это привело к ограничению их «законного ожидания» в отношении изучения таких дел. Действительно, были приняты определенные меры с целью найти решение в отношении требований компенсации, ожидающих рассмотрения. Указанные меры предположительно касались непосредственно тех лиц, требования которых в отношении компенсаций были «заморожены» в отсутствие соответствующей записи в реестре. Документы, представленные сторонами, указывали на то, что агентствам-правопреемникам была поставлена задача ускорить выплаты компенсации (пункт 53 постановления).

Несмотря на указанные изменения, продолжил Европейский Суд, требования заявителей не были рассмотрены по существу. В сентябре 2013 года Комиссия в итоге отклонила все требования, в отношении которых не имелось соответствующей записи в реестре, без отдельного рассмотрения. Возможно, некоторые из отклоненных требований действительно основывались на ошибочной информации и определенные здания не получили указанного ущерба. Вместе с тем, относительно заявителей по настоящему делу, то они представили достаточные доказательства того, что их имущество уничтожено, и различные органы власти ссылались на отсутствие записи в реестре в качестве единственной причины, по которой их требования не были рассмотрены раньше. Суд установил, что в отсутствие более подробной информации от властей, он был не в состоянии рассмотреть указанный вопрос и в итоге пришел к выводу: не существовали доказательства надлежащей оценки обстоятельств заявителей (пункт 54 постановления).

Суд подчеркнул, – схема, созданная для обеспечения упрощенного и оперативного рассмотрения таких требований, оказалась недоступной ввиду административного препятствия, которое полностью находилось вне их контроля. Не имелось никаких указаний на то, что заявители несли ответственность за состояние дел, в отношении которых они жаловались, или что в этом была и их вина (пункт 55 постановления). Невозможно также утверждать, указал Суд, что заявители оставались пассивными с учетом бездействия органов власти: они посылали запросы в компетентные органы и подавали иски во внутригосударственные суды. Указанные действия не привели к изменению их обстоятельств и не было достигнуто никаких результатов в отношении рассмотрения их требований о выплате компенсации.

Учитывая изложенное Суд заключил – власти были не в состоянии указать убедительное основание неисполнения ими обязательств с 2005 года по соблюдению законного ожидания в отношении рассмотрения надлежащим образом обоснованных требований о компенсации. Таким образом, они не ввели в действие решение, которое позволило бы Комиссии

рассмотреть предъявленные требования и присудить заявителям компенсацию, принимая во внимание их индивидуальные обстоятельства. Это являлось несовместимым с обязательством, возникающим согласно статье 1 Протокола № 1 по обеспечению беспрепятственного пользования имуществом, и в частности, с обязательством по осуществлению действий в надлежащий срок и соответствующим способом в случаях, когда речь идет об общем интересе (пункт 57 постановления). Следовательно, имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам № 18940/08 и № 61716/08 «*Магометхожиев и Амалаев против Российской Федерации*», которым также установлено нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с нарушениями прав граждан на беспрепятственное пользование принадлежащим им имуществом в период проведения контртеррористических операций.

В сфере гражданско-процессуальных отношений

право на мотивированное судебное решение

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 9867/06 «*Подкорытов и другие против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года), которым было установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции из-за отсутствия мотивированного судебного постановления, согласно которому судебное разбирательство по гражданскому делу было отложено.

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений

право на жизнь; вопросы проведения эффективного расследования случаев лишения жизни

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам⁴:

---

⁴ Здесь и далее перечень жалоб представлен в алфавитном порядке.

- № 40001/08 *«Абдулхаджиева и Абдулхаджиев против Российской Федерации»* (вынесено 4 октября 2016 года, вступило в силу 30 января 2017 года);
- № 47222/07 и № 47223/07 *«Абубакарова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 4 июня 2019 года);
- № 47222/07 и № 47223/07 *«Абубакарова и Мидалишова против Российской Федерации»* (вынесено 31 января 2017 года, вступило в силу 30 апреля 2017 года);
- № 17054/06 *«Алихановы против Российской Федерации»* (вынесено 28 августа 2018 года, вступило в силу 28 ноября 2018 года);
- № 56120/13 *«Байсултанов против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 4 февраля 2020 года);
- № 12642/13 *«Байсултанова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 24 сентября 2019 года);
- № 21129/09 *«Банжаев и против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 14 января 2020 года);
- № 14196/08 *«Бицаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 23 октября 2018 года);
- № 44658/12 *«Вацаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2020 года);
- № 51119/15 *«Гадаев и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 14 января 2020 года);
- № 688/11 *«Гаева против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 23 июня 2020 года);
- № 44776/09 *«Ганатова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 24 сентября 2019 года);
- № 19650/11 *«Дагалаева против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 12 марта 2019 года);
- № 32400/12 *«Данилины против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 6 октября 2020 года);
- № 31143/11 *«Джамахаджиев и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 27 августа 2019 года);
- № 46935/18 *«Елхороев против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 6 октября 2020 года);
- № 19/16 *«Идрисова против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2020 года);
- № 53074/12 *«Ижаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 14 января 2020 года);
- № 53075/08 *«Исаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 28 мая 2019 года);
- № 46206/10 *«Кабиров против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 15 октября 2019 года);
- № 50556/08 *«Кукурхоева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 22 января 2019 года);

- № 50606/08 *«Межидовы и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 23 октября 2018 года);
- № 51933/08 *«Мурдаловы против Российской Федерации»* (вынесено 31 марта 2020 года, вступило в силу 31 июля 2020 года);
- № 13916/12 *«Мухтарова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 4 июня 2019 года);
- № 10229/10 *«Накани и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 8 октября 2019 года);
- № 9782/08 *«Оздоев и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 27 августа 2019 года);
- №№2297/15 и 21260/16 *«С.А. и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 14 января 2020 года);
- № 36963/09 *«Саидова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2020 года);
- № 35585/08 *«Сулейманов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 24 марта 2020 года);
- № 36962/09 *«Тазуева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 22 января 2019 года);
- № 19809/11 *«Тасуева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 16 июня 2020 года);
- №44116/10 *«Тимербулатова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2020 года);
- №№ 53284/13 и 22543/15 *«Турпулханова и Хасиева против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 17 марта 2020 года);
- № 33731/14 *«Угурчиев и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 4 февраля 2020 года);
- № 76635/11 *«Ужахов и Албагачиева против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 23 июня 2020 года);
- № 21194/09 *«Хаджимурадов и другие против Российской Федерации»* (вынесено 10 октября 2017 года и вступило в силу 29 января 2018 года);
- № 36875/11 *«Хакимова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 8 октября 2019 года);
- № 6636/09 *«Хамхоева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 28 мая 2019 года);
- № 4310/10 *«Хатуева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 27 августа 2019 года);
- № 16397/07 *«Цакоевы против Российской Федерации»* (вынесено 2 октября 2018 года и вступило в силу 2 января 2019 года);
- № 18988/16 *«Шайтилаева и Дышнеева против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 17 декабря 2019 года);
- № 4635/08 *«Шамсудинова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 5 февраля 2019 года);

№ 2660/12 *«Эсамбаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 4 июня 2019 года);

№ 5374/07 *«Яндаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 4 декабря 2018 года),

которыми установлены нарушения статьи 2 Конвенции в связи с несоблюдением прав граждан на жизнь в период проведения контртеррористических операций (материальные и процессуальные аспекты).

запрет пыток, иного недопустимого обращения; вопросы проведения эффективного расследования

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 51933/08 *«Мурдаловы против Российской Федерации»* (вынесено 31 марта 2020 года, вступило в силу 31 июля 2020 года), которым установлено отсутствие нарушения требований статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с М.

Как усматривалось из текста постановления, национальные суды установили, что М. подвергся жестокому обращению со стороны милиционера Л. с целью заставить М. стать информатором милиции. Такое обращение неизбежно вызвало у него тяжелые моральные и физические страдания. Оно привело к серьезным травмам, таким как травма головы с потерей сознания, нарушение дыхания, открытый перелом левой руки и рваное ухо, которые представляли собой серьезный вред его здоровью. Учитывая цель, продолжительность и интенсивность жестокого обращения, а также вред, причиненный здоровью М., Суд пришел к выводу, что степень тяжести жестокого обращения равносильна пытке в значении статьи 3 Конвенции (пункты 73-74 постановления).

Суд признал, что выводы национальных судов равнозначны признанию нарушения статьи 3 Конвенции⁵. Вопрос о том, получил ли заявитель компенсацию, сопоставимую со справедливой компенсацией, предусмотренной статьей 41 Конвенции — за ущерб, причиненный в результате обращения, которое противоречило статье 3, — важен при определении того, было ли возмещено нарушение Конвенции.

⁵ 29 марта 2005 года Октябрьский районный суд города Грозного признал милиционера Л. виновным в совершении преступлений по статьям 111 («Причинение тяжкого вреда здоровью»), 286 («Превышение должностных полномочий») и 292 («Служебный подлог») Уголовного кодекса Российской Федерации, приговорил его к одиннадцати годам лишения свободы и запретил ему заниматься правоохранительной деятельностью в течение трех лет. Суд установил, что милиционер Л. подвергал М. жестокому обращению, нанося ему удары кулаками, ногами и дубинками с целью заставить его стать информатором милиции.

Оценивая размер компенсации, присужденной национальным судом, Суд на основе имеющихся в его распоряжении материалов рассматривает, что он сделал бы в такой же ситуации. Суд неоднократно подтверждал, что установление факта нарушения не является достаточным основанием для справедливой компенсации в случаях жестокого обращения, которому подвергаются лица, находясь в руках милиции или других представителей государства. К факторам, имеющим отношение к определению размера компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции в таких случаях, относятся серьезность нарушения статьи 3 и вред, причиненный жертве. Даже если метод расчета, предусмотренный внутригосударственным правом, не соответствует в точности критериям, установленным Судом, анализ прецедентной практики должен позволять национальным судам присуждать суммы, которые не являются необоснованными по сравнению с решениями, вынесенными Судом по аналогичным делам (пункты 76-78 постановления).

Переходя к вопросу о размере компенсации, присужденной за жестокое обращение с М., Суд отметил, что национальные суды присудили первому заявителю 11 500 евро в качестве компенсации морального вреда, причиненного жестоким обращением с его сыном. Теперь задача Суда состояла в том, чтобы рассмотреть вопрос, являлась ли эта сумма разумной по сравнению с решениями, вынесенными Судом по аналогичным делам.

Европейский Суд обратил внимание на то, что он часто присуждал справедливую компенсацию за моральный вред, не выделяя размер справедливой компенсации, присужденной в отношении каждого установленного нарушения. В подавляющем большинстве случаев, аналогичных рассматриваемому, были признаны нарушенными как материально-правовые, так и процессуальные аспекты статьи 3 Конвенции. Во многих других случаях решения Суда покрывали моральный вред, причиненный нарушением различных статей Конвенции, в дополнение к нарушениям статьи 3 Конвенции. Во многих делах против Российской Федерации, где Суд устанавливал нарушение статьи 3 Конвенции вследствие жестокого обращения, равносильного пытке, он присуждал заявителям справедливую компенсацию морального вреда в размере от 15 000 до 70 000 евро (см., например, постановление Комитета от 17 июля 2018 года по делу «*Ворошилов против Российской Федерации*» (*Voroshilov v. Russia*), жалоба № 59465/12, пункт 42, где Суд установил нарушение процессуального и материального аспекта статьи 3 и присудил заявителю 15 000 евро в качестве компенсации морального вреда, и постановление Европейского Суда от 24 февраля 2005 года по делу «*Хашиев и Акаева против Российской Федерации*» (*Khashiyev and Akayeva v. Russia*), жалобы №№ 57942/00 и 57945/00, пункт 193, где родственники заявителей были убиты после пыток и Суд присудил первому и второму заявителям соответственно 15 000 и 20 000 евро; ср. с постановлением Европейского Суда от 24 октября 2017 года по делу «*Девяткин против Российской Федерации*» (*Devyatkin v. Russia*), жалоба № 40384/06, пункты 42-44 - где

заявитель подвергался пыткам, когда он был еще несовершеннолетним, и Суд присудил ему 50 000 евро в качестве компенсации морального вреда, причиненного нарушением статьи 3 Конвенции, а также постановление Европейского Суда от 24 января 2008 года по делу «*Маслова и Налбандов против Российской Федерации*» (*Maslova and Nalbandov v. Russia*), жалоба № 839/02, пункты 135-136, где первая заявительница подверглась неоднократному изнасилованию и жестокому обращению, что представляло собой нарушение статьи 3 Конвенции, и Суд присудил ей 70 000 евро в качестве справедливой компенсации морального вреда). По всем этим делам Суд принимал во внимание принципы, установленные в его прецедентной практике (пункт 80 постановления).

Что касается вопроса о том, было ли расследование эффективным по факту жестокого обращения, Суд отметил, уголовное дело по факту похищения М. было возбуждено через пять дней после похищения и через два дня после того, как первый заявитель подал жалобу в прокуратуру. Впоследствии по ходатайству первого заявителя следователи выделили часть дела о жестоком обращении с М. в отношении милиционеров П. и М. Из представленных документов усматривалось, что следователи предприняли ряд шагов, в том числе объявили милиционеров П. и М. в розыск и затем задержали их. Кроме того, был допрошен ряд свидетелей, в том числе милиционеры и заключенные из ИВС, где содержался М., а также было назначено несколько судебных экспертиз. Представленные документы продемонстрировали, что единственным доказательством причастности милиционеров П. и М. к жестокому обращению с М. было заявление милиционера Л. (которое он отозвал). В ходе расследования милиционер Л. несколько раз менял свои показания, чтобы преуменьшить свою роль в жестоком обращении с М. и привлечь к ответственности других милиционеров. Тем не менее, учитывая выводы следствия в отношении милиционеров П. и М., а также отсутствие доказательств, свидетельствующих об их причастности к жестокому обращению, следователи прекратили уголовное дело в отношении них в связи с отсутствием состава преступления. Материалы дела в том виде, в каком они находились в Суде, не содержали никаких доказательств обратного (пункт 83 постановления).

В рассматриваемом отношении Суд подчеркнул, что статья 3 Конвенции не может быть истолкована как налагающая на власти требование начать судебное преследование независимо от имеющихся доказательств. Учитывая эти обстоятельства, тот факт, что милиционеры М. и П. не были привлечены к ответственности за жестокое обращение с М., не обязательно означал, что расследование этого дела было неэффективным (пункт 84 постановления). Принимая во внимание вышеизложенное и представленные доказательства, Суд не смог согласиться с первым заявителем в том, что, не предъявив обвинения должностным лицам М. и П.,

власти не выполнили своего процессуального обязательства по статье 3 Конвенции.

Поскольку первый заявитель ссылаясь на милиционера Л., Суд отметил, что расследование в отношении него привело к тому, что он был привлечен к уголовной ответственности за жестокое обращение с М. В этой связи Суд сначала оценил оперативность разбирательства. Он установил, что М. был доставлен в милицию 2 января 2001 года. Уголовное дело по факту похищения М. было возбуждено 5 января 2001 года, а два года спустя, 10 февраля 2003 года, в отношении милиционеров (в том числе милиционера Л.) было начато уголовное судопроизводство по факту жестокого обращения с ним. Представленные документы и (в частности) приговор свидетельствовали о том, что в ходе судебного разбирательства был предпринят ряд следственных мер, которые были завершены 29 марта 2005 года, когда суд признал милиционера Л. виновным (пункт 86 постановления).

Суд далее перешел к анализу вопроса о том, был ли приговор, вынесенный милиционеру Л., достаточным для выполнения позитивного обязательства властей по статье 3 Конвенции.

Суд обратил внимание на то, что процессуальные требования статьи 3 Конвенции выходят за рамки стадии предварительного следствия, когда расследование приводит к возбуждению судебного разбирательства в национальных судах: судопроизводство в целом, включая стадию судебного разбирательства, должно соответствовать требованиям запрета, закрепленного в статье 3. Это означает, что национальные судебные власти ни при каких обстоятельствах не должны оставлять безнаказанными причиненные физические или психологические страдания. Это имеет важное значение для поддержания доверия общественности к верховенству права и для предупреждения проявления толерантности или пособничества незаконным действиям со стороны органов власти. Суд также подчеркнул важность временного отстранения сотрудника от занимаемой им должности при нахождении под следствием или во время или после судебного разбирательства, а также его увольнения, в том случае, если суд признает его виновным (пункт 88 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, милиционер Л. был признан виновным в соответствии с обвинением и приговорен к одиннадцати годам лишения свободы и лишению права работать в правоохранительных органах в течение следующих трех лет. Несмотря на то, что он пытался добиться смягчения своего приговора путем обжалования приговора на трех уровнях юрисдикции, эти меры не дали существенных результатов, поскольку его приговор за злоупотребление должностными полномочиями и жестокое обращение с М. был сокращен всего на один год до десяти лет лишения свободы. Этот приговор не был минимально предусмотренным внутригосударственным правом, и он также не был приостановлен — милиционер Л. отбыл свой срок в полном объеме (пункт 89 постановления).

Принимая во внимание вышеизложенное и представленные доказательства, Суд счел, что сумма, присужденная первому заявителю национальными судами в качестве компенсации за пытки М., представлялась разумной. Суд также пришел к выводу, что власти государства-ответчика выполнили свои обязательства по статье 3 Конвенции о проведении эффективного расследования по факту жестокого обращения с М. С учетом вышеизложенных выводов Суд поддержал заявление властей касательно утраты первым заявителем статуса жертвы.

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам:

- № 47222/07 и № 47223/07 *«Абубакарова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 4 июня 2019 года);
- № 17054/06 *«Алихановы против Российской Федерации»* (вынесено 28 августа 2018 года, вступило в силу 28 ноября 2018 года);
- № 12642/13 *«Байсултанова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 24 сентября 2019 года);
- № 14196/08 *«Бицаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 23 октября 2018 года);
- № 44658/12 *«Вацаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2020 года);
- № 688/11 *«Гаева против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 23 июня 2020 года);
- № 44776/09 *«Ганатова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 24 сентября 2019 года);
- № 32400/12 *«Данилины против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 6 октября 2020 года);
- № 31143/11 *«Джамахаджиев и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 27 августа 2019 года);
- № 46935/18 *«Елхоров против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 6 октября 2020 года);
- № 19/16 *«Идрисова против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2020 года);
- № 53074/12 *«Ижаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 14 января 2020 года);
- № 53075/08 *«Исаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 28 мая 2019 года);
- № 50556/08 *«Кукурхоева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 22 января 2019 года);
- № 50606/08 *«Межидовы и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 23 октября 2018 года);
- № 51933/08 *«Мурдаловы против Российской Федерации»* (вынесено 31 марта 2020 года, вступило в силу 31 июля 2020 года);

- № 13916/12 *«Мухтарова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 4 июня 2019 года);
- № 10229/10 *«Накани и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 8 октября 2019 года);
- № 9782/08 *«Оздоев и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 27 августа 2019 года);
- № 5632/10 *«Орлов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 14 марта 2017 года);
- №№2297/15 и 21260/16 *«С.А. и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 14 января 2020 года);
- № 36963/09 *«Саидова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2020 года);
- № 36962/09 *«Тазуева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 22 января 2019 года);
- №44116/10 *«Тимербулатова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2020 года);
- № 33731/14 *«Угурчиев и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 4 февраля 2020 года);
- № 76635/11 *«Ужахов и Албагачиева против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 23 июня 2020 года);
- № 36875/11 *«Хакимова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 8 октября 2019 года);
- № 6636/09 *«Хамхоева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 28 мая 2019 года);
- № 16397/07 *«Цакоевы против Российской Федерации»* (вынесено 2 октября 2018 года и вступило в силу 2 января 2019 года);
- № 2660/12 *«Эсамбаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 4 июня 2019 года);
- № 5374/07 *«Яндаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 4 декабря 2018 года),
- которыми установлены нарушения статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением прав граждан не подвергаться бесчеловечному обращению в период проведения контртеррористических операций.

нахождение обвиняемого (подсудимого) в металлической клетке в ходе судебного заседания

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам:

- № 11318/18 *«Бельский и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 25 февраля 2021 года);

- № 9867/06 *«Подкорытов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года);
  - № 32944/14 *«Эстрина и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года),
- которыми установлены нарушения статьи 3 Конвенции в связи с нахождением заявителей в металлической клетке в ходе судебного заседания.

*право на свободу и личную неприкосновенность
(лишение свободы согласно закону)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам:

- № 47222/07 и № 47223/07 *«Абубакарова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 4 июня 2019 года);
- № 17054/06 *«Алихановы против Российской Федерации»* (вынесено 28 августа 2018 года, вступило в силу 28 ноября 2018 года);
- № 12642/13 *«Байсултанова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 24 сентября 2019 года);
- № 14196/08 *«Бицаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 23 октября 2018 года);
- № 44658/12 *«Вацаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2020 года);
- № 688/11 *«Гаева против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 23 июня 2020 года);
- № 44776/09 *«Ганатова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 24 сентября 2019 года);
- № 32400/12 *«Данилины против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 6 октября 2020 года);
- № 31143/11 *«Джамахаджиев и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 27 августа 2019 года);
- № 46935/18 *«Елхоров против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 6 октября 2020 года);
- № 19/16 *«Идрисова против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2020 года);
- № 53074/12 *«Ижаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 14 января 2020 года);
- № 53075/08 *«Исаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 28 мая 2019 года);
- № 50556/08 *«Кукурхоева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 22 января 2019 года);

- № 50606/08 *«Межидовы и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 23 октября 2018 года);
- № 13916/12 *«Мухтарова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 4 июня 2019 года);
- № 10229/10 *«Накани и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 8 октября 2019 года);
- № 9782/08 *«Оздоев и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 27 августа 2019 года);
- № 5632/10 *«Орлов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 14 марта 2017 года);
- №№2297/15 и 21260/16 *«С.А. и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 14 января 2020 года);
- № 36963/09 *«Саидова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2020 года);
- № 36962/09 *«Тазуева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 22 января 2019 года);
- №44116/10 *«Тимербулатова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2020 года);
- № 33731/14 *«Угурчиев и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 4 февраля 2020 года);
- № 36875/11 *«Хакимова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 8 октября 2019 года);
- № 6636/09 *«Хамхоева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 28 мая 2019 года);
- № 16397/07 *«Цакоевы против Российской Федерации»* (вынесено 2 октября 2018 года и вступило в силу 2 января 2019 года);
- № 13363/11 *«Цороев против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 24 марта 2020 года);
- № 4635/08 *«Шамсудинова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 5 февраля 2019 года);
- № 2660/12 *«Эсамбаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 4 июня 2019 года);
- № 5374/07 *«Яндаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 4 декабря 2018 года),

которыми установлены нарушения статьи 5 Конвенции в связи с несоблюдением прав граждан на свободу и личную неприкосновенность в период проведения контртеррористических операций.

право на свободу и личную неприкосновенность (право на разумные сроки содержания под стражей в ожидании приговора суда)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам:

- № 11318/18 *«Бельский и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 25 февраля 2021 года);
- № 74883/17 *«Бохонов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года);
- № 9867/06 *«Подкорытов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года);
- № 18764/18 *«Сорокин и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года);
- № 24672/18 и № 5675/19 *«Тимченко и Шестун против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года);
- № 32944/14 *«Эстрина и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года),

которыми установлены нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции в отношении заявителей в связи с необоснованно длительным содержанием их под стражей в ожидании приговора суда.

*право на свободу и личную неприкосновенность
(право на рассмотрение жалобы на решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам:

- № 9867/06 *«Подкорытов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года);
- № 32944/14 *«Эстрина и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года),

которыми установлены нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции из-за отказа суда рассмотреть жалобу на решение о применении к заявителям меры пресечения в виде заключения под стражу.

право на свободу и личную неприкосновенность (право на оперативное рассмотрение жалобы на решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам:

- № 11318/18 *«Бельский и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 25 февраля 2021 года);
- № 74883/17 *«Бохонов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года);
- № 9867/06 *«Подкорытов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года);
- № 18764/18 *«Сорокин и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года);
- № 24672/18 и № 5675/19 *«Тимченко и Шестун против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года);
- № 32944/14 *«Эстрина и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года),

которыми установлены нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции из-за неоперативного рассмотрения судами жалоб на решения о применении к заявителям меры пресечения в виде заключения под стражу.

право на свободу и личную неприкосновенность (право на личное участие и на участие защитника при рассмотрении жалобы на решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 9867/06 *«Подкорытов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года), которым установлено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с отсутствием в суде кассационной инстанции заявителя, а равно его адвоката при рассмотрении жалобы на решение о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу.

право на справедливое судебное разбирательство (невозможность заявителя оспорить представленные стороной обвинения доказательства)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 9867/06 *«Подкорытов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2021 года), которым установлено нарушение подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции из-за невозможности заявителя оспорить представленные стороной обвинения доказательства по уголовному делу.

вопросы назначения наказания в аспекте осуществления государством эффективного расследования случаев пыток

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 51933/08 *«Мурдаловы против Российской Федерации»* (вынесено 31 марта 2020 года, вступило в силу 31 июля 2020 года), которым установлено отсутствие нарушения требований статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с М. ввиду утраты одним из заявителей статуса «жертвы» вследствие признания властями Российской Федерации факта жестокого обращения с заявителем, присуждения ему денежной компенсации морального вреда в размере, сопоставимом с практикой Европейского Суда по правам человека, и назначения достаточного наказания, сопоставимого тяжести совершенного деяния (более подробная информация изложена выше).

*право на уважение жилища
(вопросы проведения незаконного обыска в жилище)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 53074/12 *«Ижаева и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 14 января 2020 года), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с несоблюдением права лица на уважение неприкосновенности жилища вследствие осуществления незаконного обыска в период проведения контртеррористических операций.

*право на беспрепятственное пользование принадлежащим лицу имуществом
(уголовно-правовые аспекты)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам:

№ 40001/08 *«Абдулхаджиева и Абдулхаджиев против Российской Федерации»* (вынесено 4 октября 2016 года, вступило в силу 30 января 2017 года);

№ 5632/10 *«Орлов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 14 марта 2017 года);

№44116/10 *«Тимербулатова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 21 января 2020 года);

№ 36875/11 *«Хакимова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 8 октября 2019 года),

которыми установлены нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с несоблюдением прав граждан на беспрепятственное пользование принадлежащим им имуществом при проведении контртеррористических операций.

Неофициальные переводы текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получены из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.